

Умер Юрий Полухин — известный писатель, публицист, автор многих любимых читателями книг. Многие годы он активно сотрудничал с нашей газетой. Публикуемый сегодня очерк — итог его последней командировки по заданию редакции. Вместе с тем это его последняя публицистическая работа.

Лет восемь назад в одном из московских журналов был опубликован очерк писателя Олега Волкова «Чур, заповедано!» — о Воронежском государственном заповеднике. Кончался очерк размышлениями невеселыми, из круга которых, пожалуй, и не разглядеть было выхода.

Заповедник одним из немногих в стране перешел на хозрасчет, казалось, куда как прогрессивно!.. Но невозможно оставить природу дикой, позволив ей жить по своим законам и одновременно извлекать из нее прибыль. Год от году конь, вскормленный государственным овсом, занаряженный инициативным начальством на множество доходных предприятий, перетягивал исподволь похилившуюся в своих статях лань, которой вроде бы только и оставалось, что безгласно трепетать.

И в погонях за хозрасчетными премиями под флагами рубок «реконструкций», «санитарных» — ах как легко в лесу сменить флаги, когда под рукой столько древков! — валели столетние дубы и корабельные сосны. И потрошили, превращали в чучела на продажу редких птиц. И отлавливали, рассылали по всем весям бобров, косуль, европейских благородных оленей — тех самых поэтических ланей! — в сбитых наскоро клетках, таких грубых и тесных, что в них даже и трепетать было невозможно. А чтобы отлов этот уважил самые доходные статьи хозрасчетного молоха, зверей развели в пять раз больше, чем могли прокормить заповедные куш.

И тем более приятно написать на этих вот страницах: почти все беды, за которые когда-то критиковали руководство Воронежского заповедника, в прошлом: вовсе не безгласными оказались деревья и звери, взятые писателем под защиту. Стадо копытных сведено воронежцами к норме; в лесных кварталах то и дело натываются на нежные, но уже прамехонкие прутьки-стволы самосевом выросших сосенок, дубков, и даже поверить трудно, что они придут достойно на смену своим предкам, так поразившим когда-то Петра I

Царь этот и тут сумел позаботиться о безродных своих потомках: взяв из Усманского бора необходимое количество деревьев для постройки азовской флотилии, он объявил смертную казнь за самовольную порубку деревьев в бору, отменил даже всеми почитаемый местный обычай — хоронить людей только в дубовых гробах.

С легкой руки журналистов, любящих броские сравнения, давно уж гуляют по свету сладостные байки: на Ангаре я слышал, что когда-то англичане готовы были менять ан-

га. Так и остался без мирной специальности. Но сохранил неистребимую любовь к живому, да так, что после войны даже смог преподавать биологию в школе без специального диплома. Вот тогда-то и потребовался Воронежскому заповеднику орнитолог колыцать птиц, чтобы узнать пути их миграций. Несколько лет Ермолов только этим и занимался, пока не выяснилось в точности, что, например, воронежские дрозды-белобровки зимуют в Лотарингии, грачи — в Венгрии, утки-кряквы — в Алжире и Греции,

мой ли, летом с самых дальних кордонов и с центральной усадьбы заповедника к нему несут зверят и птенцов, потерявших своих родителей, подранков, недобитых пулей браконьера. А он их выхаживает. Таких ермоловских воспитанников — только птиц больше пятидесяти видов, а разного зверья не перечесать. Был и прирученный бобренок Буська, который ходил за Ермоловым на задних лапах, вперевалку, по всему поселку, по лесу; лисята, которые долго еще после того, как отпустил их Кирилл Сергеевич на

держат здесь, как правило, в грязи, неуютно — средства тратятся почти те же, но педагогический эффект, пожалуй, прямо противоположный.

Еще несколько слов о страданиях... Кириллу Сергеевичу Ермолову, как и другим работникам заповедника, много раз приходилось ловить браконьеров, отбирать у них сети и ружья, штрафовать. Ходил и на выстрелы, защищая лес. Увидишь его, не поверишь: невысокоенький, худой, седые волосы торчат из-под кепки — таких в народе называют «одуванчиками».

хозяйства СССР и Воронежский облисполком целиком согласились с этим предложением, тем более что в охранной-то зоне пашни и луга эксплуатировались бы по-прежнему, лишь улучшилась бы, повторяю, и их защита.

Но часть территории заповедника входит в Липецкую область. И вот там-то категорически воспротивились такому решению. Больше того, рядом с границей заповедника на территории лесхоза, расположенного в Усманском бору, решили в Липецке организовать приписное охотничье хозяйство. А охрана животного мира заповедника не наша, дескать, забота, тем более что ни кабаны, ни олени не относятся к категории редких видов животных.

Все усилия воронежцев такой местнической логикой обесмысливаются. А ведь не так давно стадо благородных европейских оленей в Усманском бору насчитывало всего несколько особей, и если бы не усилия работников заповедника... Вот когда постреляют вдоволь и олени снова начнут «относиться к категории редких видов животных», тогда, может быть, и согласятся в Липецке создать охранную зону. Может, согласятся и на иной логичный поступок: отдадут наконец заповеднику и те 28 тысяч гектаров леса, в которых до сих пор ведется интенсивное хозяйство: и порубка, и подсочка деревьев, и никакой их охраны.

Так, может, все же имеет смысл логику липецкую подчинить всесоюзной? Хотя бы ради того, чтобы не обесмысливать труд таких людей, как Ермолов? А их в Воронежском заповеднике немало: и семья лесоводов Никитиных, и Лидия Александровна Габбе, сумевшая найти свое призвание, несмотря на жестокий недуг, и В. Комаров, придумавший свою гуманную «пулю», да и нынешний директор заповедника Василий Александрович Семенов, в прошлом создатель одного из лучших в стране птицеводческих хозяйств, кандидат наук, которому уже и кафедру в одном из воронежских институтов прочили, и ключи от трехкомнатной квартиры дали, а он переехал не в областной стольный град, а в затерянный среди леса поселок, — о каждом из них можно было бы написать подробный очерк, да вот беда, мне приходится больше писать о проблемах этих людей. Что ж, проблемы эти с годами растут вместе с людьми, как растут и новые деревья в бору. Хуже, если бы не росли.

Юрий ПОЛУХИН.

Воронежская область.

человек и природа

В УСМАНСКОМ БОРУ

гарскую сосну на сахар — вес на вес; в Воронеже цена дубовой древесины уже приравнивается к цене зарубежного шоколада... Не знаю, как на счет шоколада, но таких деревьев, как в усманских дубравах, я не видел нигде. Обычно крапивообразные, корявые, многорукие, тут дубы стоят ровнехонькие, гладкоствольные и прямые, как свечи, вплоть до самой макушки, где только и распахиваются кроны. Дерево удивительно! А если еще вспомнить, что Усманский лес, по данным палеонтологов, насчитывающий 2500-летний возраст, стоит на северной оконечности великих степей, представить себе, сколько набегов кочевников было отбито благодаря этому лесу, сколько людей он спас от голодной смерти в засушливые годы и сколько влаги сберег, сколько земель охранил от овражного хозяйства (не характерно ли, что даже и в языке русского зловеющий корень «враг» — в тех словах, что противостоят понятиям леса-друга), если представить себе хотя бы все это, то какой уж там шоколад, золота не хватит в противовес!

После выступления журнала по Воронежскому заповеднику, после множества заседаний, совещаний, обсуждений в Усманском бору сменилось руководство и был возобновлен действительно заповедный режим. Но справедливости ради надо сказать, что заповедник во многом обязан своим возрождением Кириллу Сергеевичу Ермолову, тогда фенологу Воронежского заповедника, а вообще-то человеку на все руки. Родом из Ельца, до войны он только и успел поступить студентом на биологический факультет Ленинградского университета, а потом — четыре года фронт-

уюжной Испании, дрозды-рябинники — в Палестине и Кашмире... А с европейского севера прилетают гостить на зиму в Усманский бор чижи и снегири, чечетки, свиристели, клесты и пеночки...

Одновременно с кольцеванием птиц Ермолов увлекся отловом оленей, тоже — сетками, хотя и иными, придумал свой способ загона зверей. Так и дальше: менял специальности по заповедническим нуждам. Участвовал в разработке знаменитой «пули Комарова» — пули, снабженной ядом, похожим на кураре, временно обездвиживающей животных, но и только, и тут с ними можно делать все, что угодно, не нанося им никакого вреда. Сейчас лицензии на эту «пулю» купили в Канаде и США, в Англии и других странах. А после того Ермолов начал вести многолетний календарь природы заповедника, и потому много раз исходил его вдоль и поперек, узнав и самые тайные уголки бора.

И сколько раз и на каких только совещаниях закрытых, заседаниях принародных и тайных проработках не выслушал потом Ермолов один и тот же упрек: «Зачем дал материал писателю!..» Наивные люди! Они даже и не помышляли: настоящему писателю «материал» дать нельзя, как нельзя, например, дать любовь к природе, это ведь не цифра — он-то и из бухгалтерского отчета, годные для газетного фельетона.

Так или иначе, а только вынужден был Ермолов тогда уйти на пенсию, благо и годы подоспели, тем более что никто не мог у него отнять самого любимого дела, которым он повседневно был занят, кроме всего прочего.

А дело это вот какое. Зи-

волю, по вечерам прибежали на его свист.

Но все это бывало не так идиллично, как можно себе представить. Случались и трагические истории. А главное труд, терпение, самоотверженность требовались, кажется, непомерные. Ну, например, в течение семи лет Ермолов выхаживал орла Кузьку. Зато Кузьку приезжали снимать в кино даже из Москвы, режиссер только отмахивался с горечью от вопросов Ермолова: «В зоопарке то разве орлы? Хоть плачь, на них гляди!..»

По заповедникам мне приходилось ездить немало. И редко в каком из них не находилась такой вот фанатик, как Ермолов, на свой страх и риск, по своему разумению и таланту выхаживающий попавших в беду малых братьев наших. Так вот, не следует ли учредить такие уголки во всех заповедниках? Поручить заведовать ими специально подобранным ветеринарам, наладить снабжение. А добровольных помощников тут найдется сколько угодно. Такие бы уголки точно соответствовали, если не букве, то духу недавно принятого «Закона об охране и использовании животного мира», как раз и призывающего всех нас к сбережению животного мира не одной только хозяйственной пользы ради, но также — приумножения этических ценностей у человека социалистического общества. И, ей-ей, такая вот наглядная забота о попавших в беду зверях даст в этом отношении куда как больше, чем, например, повсюду существующие, во всех почти заповедниках открытые вольеры с дикими взрослыми представителями местной фауны, которых для обозрения посетителями со-

Но так было. Однажды от лихого ножа Ермолова спас только случай.

И вот что любопытно. Бывало, и милиция выискивала браконьеров по следам не один месяц, а найдут, и вдруг оказывается: о преступлении знали чуть не десятки людей, в том числе и по месту службы браконьеров, знали и помалкивали. А на суде оправдывались тоже... состраданием: мол, из-за какого-то зверя нельзя же ломать благополучие человека, совесть не позволяла!

И все же на судебных процессах выяснялось: поведение девяти десятых таких вот защитников в конце-то концов определялось той или иной корыстью, а в крайнем случае — невежеством. И новый «Закон об охране и использовании животного мира» недвусмысленно предписал самые жесткие меры борьбы с браконьерами и их пособниками.

И тут следует рассказать еще об одной истории.

Усманский бор — среди благодатных черноземных степей. Потому пашня, а кое-где деревни и городки подступают к самому его опушкам. И, конечно же, олени, кабаны выходят на колхозные поля, случается, и не бескорыстно: полакомиться свежлой или молодыми побегами кукурузы. И вот тут-то их бьют чуть ли не на законных основаниях, даже засады устраивают. Естественно, руководство заповедником начало настаивать на организации охранной зоны вокруг Усманского бора.

Такие охранные зоны есть сейчас вокруг многих заповедных земель. И, конечно же, Главное управление по охране природы, заповедникам, лесному и охотничьему хозяйству Министерства сельского